

Иоанновский ставропигиальный женский монастырь города Санкт-Петербурга

Официальный сайт монастыря (<https://imonspb.ru>)

«Лучше согрешить любовью, чем строгостью». Памяти схиархимандрита Тихона (Муртазова)

Источник: Православие.Ru

На день обретения честных мощей преподобного Сергия Радонежского приходится 40-й день преставления ко Господу схиархимандрита Тихона (Муртазова; † 9.06.2018).

Еще в юности, в татарской деревушке на реке Шешме, где не было уже церкви (ее разрушили в 1935 году при появлении на свет будущего схиархимандрита), а монастырей там не было и подавно, как-то вечером, когда вся молодежь бежала на танцы, увлекаемый веселой гурьбой тогда еще Александр Муртазов на мостке вдруг увидел старца... Это был монах; как потом уже узнал созерцавший, его странное одеяние было схимой.

Время остановилось.

«И ты, Александр, туда же?!» – с укоризной вдруг произнес явившийся.

Будущий схиархимандрит остановился... И больше на танцы – ни ногой.

А потом рассказывал:

«Когда я приехал поступать в Московскую духовную академию в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру, я увидел этого монаха на иконе! Это был преподобный Сергей Радонежский!»

Всю жизнь батюшка неустанно читал ему Акафист в благодарность за вразумление на жизненном пути.

«Что из этого мальчика будет?..»

Иеродиакон Никон (Муртазов), брат схиархимандрита Тихона, Иоанновский монастырь на Карповке, Санкт-Петербург:

– Отец Тихон родился в 1935 году в крестьянской семье в Татарии. Наш отец Иван Федорович был трактористом. Мама Дарья Матвеевна, пока отец был жив, занималась домашним хозяйством. Оба наших родителя – глубоко верующие люди.

Как только началась война, отца тут же, как единоличника, не вступавшего в колхоз, призвали на фронт.

«Какой я вояка? – урезонивал их папа, у которого после перенесенной в детстве оспы сохранилось менее 30% зрения. – Меня же убью, и всё!»

Так оно и вышло. В первый же год он был убит. Когда уходил на фронт, взял маленького семилетнего Сашу за ручку и так и дошел с ним до самой околицы – прощался.

Потом уже в наши дни батюшка часто с отцом Адрианом (Кирсановым) из Печор говорили о том, что та война была попущена народу за богоотступничество. «Молиться надо, иначе снова война будет», – предупреждали они. Даже точно говорили, что если та в июне началась, то следующая месяц спустя – в июле – нагрянет, – а в каком году, это зависит от нашего покаяния.

Оставшись вдовой с тремя детьми на руках, мама работала уполномоченной по сельхоззаготовкам для фронта, завхозом в больнице, лесником. Саша (имя схиархимандрита Тихона до пострига) ей всегда по работе помогал. Тем более что ей не довелось в свое время учиться. «Какая грамота? Труда невпроворот», – настаивали тогда старики. А при продаже леса требуется клеймить деревья, вносить их номера в карточки учета – всем этим брат и занимался за нее.

Мама по характеру бойкая была. На коня, ружье через плечо – и вперед! Если видела какие-то нарушения, особо никого не наказывала. «Смотри мне! – просто приструнит. – А пенек, – говорит, – спрячь!» – и поедет дальше.

Милостивой была. Хотя нас строго воспитывала, можно сказать, в ежовых рукавицах держала. Особенно Саше доставалось, я-то с детства очень болезненный был, постоянно или по больницам лечился, или у бабушки жил.

Саша с детства был смиренным. Там из односельчан, бывало, кто-то выпивал, придут к матери на кордон (так называется домик лесника), утащат что-то, а Саше влетало. Но он никогда не отпирался, не оправдывался.

«Бей меня, если виноват, – только и скажет матери, и тут же добавит: – Прости меня».

Расторопный был, смысленый. Однажды, когда матери не было, волк пробрался через ограду... Бабушка Марфа Васильевна выбежала, кидает в него поленьями, а он вцепился в нашу собаку зубами и пытается через забор с нею перепрыгнуть. Тогда Саша вышел с ружьем, прицелился – волк испугался и убежал. А у него-то даже патронов не было! Просто не растерялся, смело вышел на зверя.

Защитить кого-то, помочь слабому – это всегда было по его части. Если кому-то из старушек пенсию надо было получить, а они, неграмотные, в бумагах не разбираются, он всегда побежит, сам все оформит, принесет. Доверие к нему было безоговорочное.

Особенно его старушки любили за то, что он их всех на молитву созывал. У нас там в деревне жила такая Бирюлиха, у нее у единственной дома Евангелие сохранилось. Маленький Саша мог собравшимся всю ночь Евангелие по-

церковнославянски читать. «Что из этого мальчика будет?..» – удивлялись старожилы.

С детства он знал многие молитвы наизусть: «Отче наш», «Богородица Дево, радуйся», Символ веры, псалмы.

О силе молитвы в семейном предании хранилось множество свидетельств. Наша бабушка по отцу, Марфа Васильевна, была очень набожной. У нее было много детей, но все они умирали в младенчестве. Когда родился Иоанн, наш папа, она пошла в тогда еще не разоренный храм к иконе Божией Матери «Скоропослушница», заказала водосвятный молебен и окропила младенца – Господь его сохранил.

А в семье мамы, когда она еще была маленькой, было дело: пропал теленок. Ее отправляют: «Иди молись!» – и, мол, пока не найдешь пропажу, не возвращайся. Она встала на место, где в последний раз видели теленка, и запела: «Да исправится молитва моя, яко (мама была неграмотная, молитвы запоминала на слух, не знала, как правильно, и вместо «яко» произносила «Яков») кадило пред Тобою, воздеяние руку моею, жертва вечерняя...»

И только закончила молитву, как раздается: «Му-у-у». Теленок, оказывается, там же в силосную яму упал, и его сверху травой завалило! Три дня все его искали, найти не могли. А мама помолилась – творение Божие и отозвалось на молитву ее.

А как-то раз – мама уже лесничей была – лес загорелся.

Матерь Божия! – взмолилась она. – Это ж мне тюрьма...» Как вдруг откуда ни возьмись налетела маленькая тучка и залила все дождиком именно в том месте, где полыхало пламя.

Много было чудесных явлений.

Потом уже у отца Ермогена, когда он в первый раз на Святую землю выехал да до Иордана добрался, такой случай был. Встали они на сухонький бережок и стали с отцом Гурием (ныне в схиме – Варсонофием) служить молебен, как вдруг вода забурлила! Да так, что уже и все ступеньки влажными стали. Но батюшка никогда ни этого, никаких других чудес не приписывал силе своей молитвы – вот, мол, отец Гурий рядом стоял, молился...

Это с детства такое воспитание – в смирении, в послушании. Мама тоже старалась ничего из кардинальных мер не предпринимать сама, а от того и не мнила себя кем-то важным. Послушание – оно ведь от гордыни уберегает.

Вот однажды хлопотала она по хозяйству в своем кордоне – стук в дверь. Открывает: там – кто-то оборванный стоит. Мама не из робкого десятка, стала его расспрашивать: кто он, откуда... Оказалось, это арестованный священник, его из ссылки отпустили, он домой пешком добирается. Мама его впустила, за стол усадила. А как спросила его об исповеди, то дверь закрыла, а снаружи как раз люди стали откуда ни возьмись собираться. Враг всегда препятствует тому, что способствует спасению души. Подводы вдруг начали подъезжать.

«Давай нам дрова! – кричат разъяренные односельчане. – Мы страну защищали. Нам положено!»

Ей тогда священник и сказал: «Дочка, уходи из леса. Не женская это работа. Видишь: с ружьями приходят...»

Брат уже не мог маме помогать: его в армию призвали. Он в Баку служил, в артиллерии. Мама тогда бабушкин дом в деревне продала, и мы перебрались к единственному в округе открытому храму в Чистополе. Там как раз певчих не было, а у мамы хороший голос.

Служил там отец Иоанн, из покаявшихся обновленцев. А еще при храме тогда подвизались несколько монахинь из закрытых монастырей, они в свое время помогали по хозяйству окружению Патриарха Сергия (Страгородского). Была там и прозорливая старица Анна Михайловна. Они-то все вместе и опекали, готовя к семинарии, Александра, учили его читать за богослужением, петь на клиросе.

Я в санаториях, где сызмальства лечился, бывает, нахватаюсь каких-то идеологических выкладок – молодежь-то тогда сильно обрабатывали. Однажды я так даже письмо в семинарию брату написал: «Вот сейчас я вернусь, будем с тобою перевоспитывать мать» (это по поводу того, что она у нас шибко верующая). Так он мне такой разнос устроил!

Сам он был очень крепко в вере с самого детства утвержден.

Всегда в молитве

Протоиерей Михаил Мельник, духовник Псковской епархии:

– Когда меня избрали в 1998 году на епархиальном собрании исповедовать духовенство епархии, я бросился к владыке Евсевию: «Владыка, может, мне опыта не хватит...» – «Иди опыта набирайся!» – ответил он.

«Куда, – думаю, – пойду?» Побежал к отцу Иоанну (Крестьянкину), но он меня тогда не смог принять, так как был уже немощен, болен. Он мне передал

брошюрку, в ней описаны разные случаи жизни: если ты деньги потерял, если у тебя жилищные проблемы и т.д. А потом смотрю – написано: если тебя выбрали на такую должность, что тебе, кажется, не хватит сил – ни духовных, ни телесных... И всюду дописано: «от Меня это было». Я прочитал – у меня слезы рекой. А все равно не унимаюсь: «Неужели не нашли кого-то получше меня?» Выбрали и выбрали. В этом году 23 июня уже 20 лет было, как служу.

И вот после отца Иоанна я поехал к отцу Ермогену (Муртазову). У него опыта и набирался. В следующем году, если доживу, у меня 50 лет священнической хиротонии будет.

Вроде я тогда уже 30 лет как священником был, а как ко мне пришел собрат-священник на исповедь, у меня аж коленки затряслись. А отец Ермоген тогда уже и духовенство, и епископат исповедовал. Потом на протяжении всех этих лет в самых трудных случаях я к нему за советом обращался.

А сначала, помню, спрашиваю: «Батюшка, у священников же тоже свои немощи. Какие им каноны назначать читать?» – «Не надо нагружать батюшек канонами, потому что мы и так всегда в молитве!»

Милостивый!

Сам-то он уж точно всегда в молитве пребывал. «Молиться за людей, – вспоминал слова преподобного Силуана Афонского, – это кровь проливать». Он не епитимии раздавал, а сам на себя за других молитвенные подвиги возлагал, вымаливал оступившихся. Конечно, люди ему были благодарны, чувствовали помощь.

Насчет молитвы у него всегда были очень конкретные рекомендации. Например, в храмах у священников часто спрашивают: «Как молиться за усопшего человека, который не исповедовался и не причащался?» Я передал этот вопрос отцу Ермогену, он ответил: «Год за такого человека надо читать Псалтирь, потом уже можно подать сорокоуст. А сразу сорокоуст подавать нельзя. Если он умер нераскаянным, как ты будешь за него частицу вынимать?»

Много архимандрит Ермоген молитвенно потрудился.

Он никогда не ломал человека

Протоиерей Дионисий Астахов, клирик Свято-Троицкого собора в Колпино, Санкт-Петербургская митрополия:

– В свое время я ездил к отцу Николаю Гурьянову, а в Снетогорском монастыре останавливался. Матушка Людмила (Ванина) меня привечала, я там иногда

служил. Когда впервые оказался в обители, она мне сказала пойти благословиться у их духовника. Стучусь, он меня принял, усадил напротив себя. «Откуда ты?» – «Из Царского села», – отвечаю. «О, царь», – вдруг пошутил батюшка.

О чем-то он меня еще поспрашивал, но я особого значения нашей беседе тогда не придал. «Добрый старенький священник...» – подумал я.

Приезжаю потом, а батюшка ходит гневный по монастырю и ругает рабочих. Хожу за ним по пятам, а он не обращает внимания. Там еще какая-то женщина увивалась, батюшка повернулся и ее отчитал: «Чего ты приехала?! У вас в Питере отец Иоанн Миронов есть!»

А я сам из питерских... Но тем не менее не отстаю от старца – я уже как-то почувствовал, что он умудренный Господом, а мне один вопрос очень надо было разрешить. Отец Еρμοген потом проследовал в алтарь, выходит оттуда такой же грозный. «Садись здесь!!» – указывает мне на скамеечку. «Во, – думаю, – попал!»

А потом вдруг все эти тучи на его небосклоне куда-то вмиг рассеялись, все грозы стихли, и молнии не блещут! И он полтора часа со мной самым мирным образом во всей полноте своего привычного потом любвеобилия беседует, во все вникает, помогает.

Батюшка, возможно, так проверял людей. Спросит: «Чего приехал?» – и если человеку не очень надо, тот и отойдет.

Однажды я два дня у батюшки под окнами просидел. Меня гнали, а я дожидался. Правда, потом так и ушел, потому что батюшка тогда был болен. Но он мне потом как-то через месяц доверительно с улыбкой сообщил: «А я помню, что ты тут два дня меня караулил!»

Потом я достаточно часто ездил к батюшке на исповедь. Едешь, трясешься: как же такое сказать?! – а приедешь, батюшка так мог тебя расположить, даже шуткой какой-то, что ты и сам не замечаешь, как все ему выложишь, – такой груз с души снимется! Слава Богу! Как на крыльях выпорхнешь от него.

Батюшка очень любил богослужение – хотел, чтобы Литургия служилась как можно чаще. В какие-то важные для него периоды благословлял меня нести чреду в его домовом храме.

Даже когда я не мог с батюшкой поговорить, все равно было назидательно и отрадно просто понаблюдать, как старец терпеливо выслушивает людей. Мы-то, молодые священники, можем иногда и поторопить какую-нибудь женщину:

давай, мол, быстрее суть излагай, хватит воду лить... А он слушал, никогда не торопил. Его служение было всецело жертвенным. Спал он мало. Скорее себя в чем-то ущемит, чем другим откажет.

Много молился. Просто увидеть его за молитвой – это уже была серьезная школа: с каким же глубоким чувством он взывал к Господу, некоторые фразы произносятся по несколько раз. Очень ценил Иисусову молитву. У нас, бывает, предвзято относятся к греческим монастырям: что, мол, эти греки – у нас своя традиция. Но батюшка как раз из-за того, что в греческих обителях не нарушена преемственность в умном делании, и почитал их образ монашеского жительства. Я часто ездил в Грецию, в том числе посещал там и женские монастыри, – отец Ермоген всегда меня потом очень внимательно обо всем расспрашивал.

Батюшка никогда не ломал человека. Я, например, еще в 1990-х годах побывав на Афоне, стал носить греческую скуфью. Ох, как меня с нею гоняли! «Что это, мол, ты на себя надел такое?! Это же не русское...» А батюшка воспринимал каждого таким, каков ты есть. Любишь Грецию – хорошо! Помню, меня матушка игуменья решила перевоспитать: «Что это отец Дионисий служит на греческий манер? У нас, что, тут Греция?!» «А у нас тут... своя Греция!» – нашелся, как разрядить напряжение, батюшка.

С каким бы ты грехом к нему ни пришел, он на тебя никогда не обрушивался с обличениями. Скорее с болью вздохнет. Своей любовью, молитвой все покрывает.

«Евангелие надо читать, – наставлял, – и за ближнего, и за самого себя».

У меня одна из духовных чад боролась с пристрастием к алкоголю. «Евангелие рано или поздно тебя вытянет», – сказал ей батюшка, благословляя на этот духовный труд.

А потом она мне рассказала, что произошло. Это был момент, благодаря которому ее отвратило от выпивки. Стоит, держит в руках банку пива, смотрит: батюшка идет... Гневный такой, выхватил у нее эту банку из рук, смял, растоптал: «Эта банка тебя в ад утянет!»

На нее подействовало. Это сон ей такой приснился.

Батюшка постоянно жил в любви.

Если батюшка нас так любит, то как же нас тогда любит Господь!

Схимонахиня Ольга (Диаконова), насельница Снетогорского монастыря:

– В Церковь в начале 1990-х годов меня привело большое горе – потеря 27-летнего сына. Я искала, как тогда выражалась, «метод, каким можно было бы помочь безвременно умершему». Так оказалась в Печорах. Батюшка Иоанн (Крестьянкин) был болен, и меня тогда не смог принять.

«В храме великомученицы Варвары есть духовный батюшка, иди к нему», – кто-то надоумил меня.

И я пошла. А тогда как раз в этом храме служил некоторое время отец Ермоген. Это был первый батюшка, который стал мне очень подробно, в самых простых, понятных мне тогда словах говорить о спасении души. Он уделил мне часа два своего времени! Так он в моей памяти и остался олицетворением любви. «Если

однократно думала я, будучи уже после и в схиму, – то как же нас тогда любит

Батюшка постоянно наставлял читать

Евангелие. Нам, уже монахиням, схимницам, говорил: «Хотя бы по 12 глав в день!» – и рассказывал про себя: «Идут ко мне люди, я им отвечаю. Они потом возвращаются: “Батюшка! Как вы сказали, так все и было!” Но это если я успел прочесть Евангелие перед встречей. А то не успею хотя бы несколько глав прочесть, а людей приму, отвечу им из своего духовного опыта – но тогда бывали и ошибки...»

«Батюшка, ноги болят, – пожаловалась как-то ему, – не могу уже стоя читать Евангелие». Благословил, что можно и сидя, если недомогание. А так молиться благословлял: «Хоть лежа, хоть сидя, хоть вверх ногами, но молитесь!»

Так у нас одна раба Божия недавно вспоминала батюшку. У нее больные суставы, как походит, ноги разболятся, она ляжет на кровать, а ноги на кроватную спинку положит. Сама лежит – и молится. И вот вдруг ее осенило: «Вот что, значит, батюшка нам говорил: “Хоть вверх ногами молитесь!”»

«Батюшка! – однажды изумилась я его доброте. – Почему вы никому не отказываете? Что бы у вас ни попросили, вы благословляете, а?» «Время сейчас тяжелое, – ответил он. – Лучше согрешить любовью, чем строгостью».

Никогда не помню, чтобы от него кто-то даже просто огорченным отошел. Нас, бывало, иногда даже возмущало: батюшка себя плохо чувствует, а вдруг кто-то заявится, прямо скажем, нагловатого поведения: «Где это у вас тут старец?!!» А батюшка духом видел, что человек немощен душой, – может быть, он никогда больше к священнику не обратится, – и мог стоять с таким, несмотря на свое самочувствие и его дурное поведение, несколько часов говорить, ненавязчиво вразумлять, утешать.

Батюшка очень многое духом чувствовал, видел. Помню, стали у нас как-то коровы на подворьедохнуть. Обратились к батюшке, а он отвечает: «Это потому, что у вас там бес блуда». Стали выяснять. Рабочие там жили в вагончике, и одна из мирских женщин вызвалась им еду доставлять. Вот там и творились непотребства. Как только все прекратилось, и коровы пересталидохнуть.

Или батюшка был у кого-то из чад в гостях, зашел в ванную, выходит: «Почему у вас там бес блуда?» Пришлось объяснять, что за стенкой живет сосед, который чуть ли не каждый день новую приводит.

Батюшка мог и видеть, и отгонять нечистую силу. Иногда так прямо и погонит кого-то невидимого прочь: «Уходи-уйди!»

Исцелял одним прикосновением. У меня как-то голова разболелась, встала на колени в храме, на табуретку облокотилась, а батюшка мимо проходит да как стукнет мне по голове! «Добавил», – не успела подумать, как чувствую: а боль-то прошла!

Батюшка – сама любовь.

Как заработать трудодни для Царствия Небесного

Иеромонах Мефодий (Зинковский), клирик храма в честь Казанской иконы Божией Матери в Вырице, кандидат технических наук и кандидат богословия:

– Мы с братом-близнецом отцом Кириллом начиная с 1993 года ездили к отцу Николаю Гурьянову, а он нас благословлял всегда заезжать в Снетогорский монастырь к отцу Еρμοгену и матушке тогда еще Людмиле. Мы трудились в обители – и летом, и зимой: как каникулы в семинарии, так сразу и приезжали.

Отец Еρμοген подбадривал нас на послушаниях: «Зарабатывайте трудодни», – имея в виду Царствие Небесное.

Духовником у нас был санкт-петербургский батюшка отец Иоанн Миронов. Но отец Еρμοген тоже для нас был неоценимым духовным наставником и даже, можно дерзнуть сказать, другом. Мы, конечно, знали, что у него окормляются многие архипастыри, но он был невероятно деликатным и чутким человеком и вел себя с нами, молодыми, именно так, как друг, хотя имел авторитет вести себя совсем по-другому.

Слава Богу, архимандрит Еρμοген прожил долгую жизнь. Он представился, как ему и предрекала прославленная в этом году блаженная Екатерина Пюхтицкая, на 83-м году жизни. Об этом полученном еще в начале его пастырского пути пророчестве он практически никому не говорил. Старался не создавать вокруг себя ажиотажа, до последнего молился, трудился. Но как стало сейчас уже

известно, он знал, когда уйдет. Господь ему открыл.

Архимандрит Ермоген был для всех нас человеком, который связывает поколения. Он знал очень многих из тех, кто сам прошел ссылки и лагеря, общался с ныне уже прославленными подвижниками. В его опыте русская церковная традиция не прерывалась, и он приобщал к ней нас – поколения новых и новых христиан.

Подготовила Ольга Орлова

[Православие.Ru](http://pravoslavie.ru)

При перепубликации просим ссылаться на первоисточник: Иоанновский ставропигиальный женский монастырь города Санкт-Петербурга

<https://imonspb.ru>

Санкт-Петербург, наб. реки Карповки, 45

Проезд: ст. метро "Петроградская"

Телефон: +7-812-234-24-27